

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ПО ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И.А. БУНИНА**

**ЕЖЕГОДНЫЙ
БУНИНСКИЙ
ВЕСТНИК**

**Воронеж
2013**

УДК 821.161.1 Бунин. 09(082)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-4(Бунин)
Е365

**Учредители Регионального научного центра
по изучению творческого наследия И.А. Бунина:**

Воронежский государственный университет
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Орловский государственный университет

Ежегодный Бунинский Вестник Регионального
научного центра по изучению творческого наследия И.А.
Бунина. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. – Вып. 2.
– 48 с.

ISBN 978-5-86937-374-8

Вестник является ежегодным научно-информационным изданием Регионального научного центра по изучению творческого наследия И.А. Бунина. Центр призван создать единое научное пространство по изучению наследия писателя, чья жизнь и творчество связаны с Центрально-Черноземным регионом России.

Настоящее издание адресовано специалистам-филологам, а также всем, кто интересуется творчеством нашего великого земляка.

ISBN 978-5-86937-374-8

- © Воронежский университет, 2013
- © Составитель и научный редактор
Бердникова О.А., 2013

ОТ РЕДАКТОРА

Данный Вестник является вторым выпуском ежегодного научно-информационного издания Регионального научного центра по изучению творческого наследия И.А. Бунина, учрежденного университетами Центрального Черноземья.

В научно-информационном Вестнике 2013 года опубликованы программы юбилейных научных конференций, посвященных 60-летию со дня смерти И.А.Бунина и 80-летию вручения писателю Нобелевской премии, состоявшихся в университетах Воронежа, Орла и Ельца. Представлена информация о публикации материалов Творческой мастерской 2012 года «Метафизика И.А.Бунина: рассказ «Чаша жизни в контексте творчества писателя 1909-1914 годов».

Научный раздел Вестника составили избранные сообщения, написанные по результатам работы международной юбилейной научной конференции «Современная рецепция творчества И.А.Бунина в контексте “антропологического поворота” рубежа XX–XXI вв.» (Воронеж, 26-27 ноября 2013 г.). Все статьи и материалы этой конференции и Творческой мастерской 2013 года «Метафизическая проблематика и символика в рассказе И.А.Бунина “При дороге”» будут опубликованы в третьем сборнике кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора ВГУ «Метафизика И.А.Бунина», 2014.

Впервые в данном Вестнике заявлен раздел, где опубликованы работы магистрантов и студентов филологического факультета ВГУ, представленные на конкурс рецензий на экранизации произведений И.А.Бунина в российском кинематографе последних лет.

ПРОГРАММЫ
юбилейных научных конференций, посвященных
60-летию со дня смерти И.А. Бунина и 80-летию
вручения писателю Нобелевской премии,
в университетах Центрального Черноземья

Программа
Всероссийской научной конференции
с международным участием
«Бунинские чтения в Орле – 2013» (3–4 октября 2013)

1. Бакунцев Антон Владимирович (Москва) Речь И.А.Бунина «Миссия русской эмиграции» (1924): история текста.
2. Костомарова Инна Анатольевна (Орел) Судьба парижского архива И.А.Бунина.
3. Пречисский Владимир Антонович (Москва) Судьба архива И.А.Бунина и его окружения.
4. Лопачева Мария Каиржановна (Санкт-Петербург) «Жорж мил и уныл...» (И.Бунин и Г.Иванов).
5. Ковалева Татьяна Витальевна (Орел) Пятистопный хорей И.А.Бунина: к проблеме семантики метра.
6. Михеичева Екатерина Александровна (Орел) Хроно-топическая модель в «Темных аллеях» И.А.Бунина.
7. Рыльщикова Илья Валерьевич (Москва) Уточнение месторасположения хутора Бутырки – усадьбы, где прошло детство И.А.Бунина.

8. Яровая Татьяна Юрьевна (Воронеж) Характеристическая роль антропонимов в реалистическом творчестве И.А.Бунина.
9. Михеева Инна Николаевна (Йошкар-Ола) Смена аксиологических координат: уходящая Россия в романе И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева».
10. Корнеева Инна Владимировна (Орел) К истории работы И.А.Бунина над романом «Жизнь Арсеньева».
11. Ляпаева Лариса Васильевна (Чебоксары) Взаимодействие дискурсов в рассказе И.А.Бунина «Птицы небесные».
12. Захарова Виктория Трофимовна (Нижний Новгород) Мотив железной дороги в прозе И.А.Бунина.
13. Смоголь Наталья Николаевна (Орел) «Остров нелюбви» (по повести И.А.Бунина «Деревня»).
14. Калениченко Ольга Николаевна (Белгород) Может ли красота спасти мир? (прочтение «Легкого дыхания» И.А.Бунина как неомифологической новеллы).
15. Гурова Валерия Яковлевна (Орел) Лирическое начало в прозе И.Бунина (Из опыта прочтения рассказа «Солнечный удар»).
16. Аркатова Елена Григорьевна (Орел) Обзор журналов из личной библиотеки И.А.Бунина, хранящейся в фондах ОГЛМТ.
17. Теплякова Светлана Николаевна (Орел) Жанровое многообразие публикаций Бунина в газете «Орловский вестник».

18. Степина Наталья Викторовна (Орел) Профессия журналиста в романе Бунина «Жизнь Арсеньева».
19. Мотков Сергей Иванович (Москва) Новые материалы по родословной И.А.Бунина.
20. Филатова Елена Николаевна (Орел) Формирование бунинской коллекции материалов дореволюционного периода в фондах ОГЛИМТ.
21. Гордиенко Тамара Викторовна (Москва) Материалы к биографии Ю.А.Бунина (1857-1921).
22. Казеева Елена Александровна (Москва) И.А.Бунин и А.И.Тиняков (Одинокий) (Опыт сравнительной характеристики рассказа И.А.Бунина «Учитель» и рассказа А.И.Тинякова «Сельский учитель»).
23. Малишевский Игорь Алексеевич (Воронеж) «Морской комплекс» в лирическом творчестве И.А.Бунина.
24. Аюпов Салават Мидхатович (Уфа) Раскрытая дверь на балкон: о тургеневской традиции в рассказе И.А.Бунина «Заря всю ночь».
25. Зеленцова Светлана Владимировна (Орел) Психологический пейзаж в текстах И.А.Бунина 1910-х годов.
26. Иванова Надежда Анатольевна (Чебоксары) Музыкальный код в рассказе И.А.Бунина «Танька» и Б.К.Зайцева «Соседи».
27. Драгунова Юлия Альбертовна (Орел) Судьба человека в эмиграции (Б.Зайцев «Повесть о Вере», «Другая Вера»).

28. Туманова Светлана Рачиковна (Москва) «Обостренное чувство жизни...» (И.А.Бунин и А.Т.Твардовский о жизни и смерти).
29. Пузырева Ольга Григорьевна (Москва) Слово и книга как факторы воспитания в романе И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева» и в повести В.Г.Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана».
30. Изотов Владимир Петрович (Орел) Бунин и Высоцкий: опыт трилогии («У птицы есть гнездо...», «В холода, холода...»).
31. Панкова Екатерина Степановна (Орел) Многофункциональность «чужого текста» в произведениях Л.Н.Андреева.
32. Боева Галина Николаевна (Санкт-Петербург) «Орловский рассказ» Леонида Андреева «На реке»: между жанром и топографией.
33. Тюрин Геннадий Анатольевич (Орел) Проблематика и поэтика повести И.Ф.Каллиникова «Баба-змея».
34. Беляева Анна Викторовна (Москва) Автобиографизм повести Г.Н.Кузнецовой «Художник».
35. Алексеева Марина Витальевна (Орел) «...сам Бунин мог бы быть благодарен вам»: к 100-летию со дня рождения А.К.Бабореко (1913–1999) по материалам фондов и архива ОГЛМТ.
36. Евстафьева Наталия Павловна (Украина, Харьков) Аудиальный код в романе Г.Газданова «Полет».

37. Бубнов Сергей Александрович (Орел) Поэзия С.А.Есенина в интерпретации критиков русского За-
рубежья 1920-х годов.
38. Кривина Тереза Михайловна (Орел) Фрагменты из со-
временного британского тургеневедения.
39. Мосалов Алексей Евгеньевич (Орел) «Думы» Рылеева
как жанр.

Программа

Всероссийской научной конференции «Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности», посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю (Елец, 23–25 октября 2013 г.)

1. Борисова Наталья Валерьевна (Елец) Феномен поэ-
тического дара в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсе-
ньева».
2. Есаулов Иван Андреевич (Москва) Текст и мир рас-
сказа И.А. Бунина «Руся».
3. Курносова Ирина Михайловна (Елец) Язык И.А. Бу-
нина в его лексикографической представленности.
4. Бердникова Ольга Александровна (Воронеж) «Про-
шло 100 лет...»: 1913 год в творческом сознании
И.А. Бунина.
5. Любомудров Алексей Маркович (Санкт-Петербург)
«Встреча в отеле “Мажестик”». Из литературных зна-
комств И.Бунина-лауреата.

6. Михеичева Екатерина Александровна (Орел) Хроно-топическая модель в цикле новелл И.А. Бунина «Тёмные аллеи».
7. Мещерякова Ольга Александровна (Елец) Библейский сюжет о Самсоне и его художественная интерпретация в стихотворении И.А. Бунина «Самсон».
8. Подоксенов Александр Модестович (Елец) Иван Бунин: мотивы буддизма в романе «Жизнь Арсеньева».
9. Урюпин Игорь Сергеевич (Елец) Евангельские мотивы и образы в «Окаянных днях» И.А. Бунина.
10. Холодова Зинаида Яковлевна (Иваново) «На край света»: переселенцы в творчестве И.А. Бунина и М.М. Пришвина.
11. Смирнов Вадим Андреевич (Иваново) Принцип космологизации личности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева».
12. Краснова Татьяна Владимировна (Елец) И.А. Бунин: путь в журналистику.
13. Чистякова Наталья Алексеевна (Елец) Икона в жизни и творчестве И.А. Бунина.
14. Фенчук Олег Николаевич (Беларусь, Барановичи) Библейский мотив и живописный сюжет в экфрастической лирике И.А. Бунина.
15. Ковалюк Ирина Николаевна (Липецк) «...земле благовестную Глаголы Незакатной Красоты!» (Православная поэзия Ивана Алексеевича Бунина).

16. Логвиненко Сергей Викторович (Елец) Эрос и Танатос в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева»
17. Решетникова Елена Вячеславовна (Елец) Влияние древнерусской литературы на творчество И.А. Бунина.
18. Минералова Ирина Георгиевна (Москва) Поэзия Ивана Бунина русскому будущему.
19. Комлик Надежда Николаевна (Елец) Одорическая об-разность прозы И.А. Бунина.
20. Дякина Анжелика Александровна (Елец) «Готовские наставления» Ивана Бунина в системе его эстетических взглядов.
21. Тагильцева Людмила Егоровна (Новосибирск) Синтез поэзии и прозы в рассказе И.Бунина «Антоновские яблоки».
22. Есикова Наталья Дмитриевна (Елец) Романтическая топика в цикле И.А. Бунина «Тёмные аллеи».
23. Атаманова Елена Тихоновна (Елец) Об одной реминисценции в творческой практике И.А. Бунина.
24. Углова Наталья Вячеславовна (Липецк) Публицистический дискурс наследия И. Бунина эмигрантского периода.
25. Зайцева Надежда Владимировна (Елец) Усадьба в жизни и творчестве И.А.Бунина.
26. Лишова Наталья Ивановна, Дудина Ангелина Владимировна (Елец) Семантика круга в рассказе И.А. Бунина «Грамматика любви».

27. Теплякова Светлана Николаевна (Орел) Жанровое многообразие публикаций И. Бунина в «Орловском вестнике».
28. Ролдугина Ольга Юрьевна (Елец) Трагедия эмиграции в рассказах И.А. Бунина.
29. Пальчикова Таисия Сергеевна (Елец) Эпистолярное наследие И.А. Бунина.
30. Папонова Марина Сергеевна (Елец) Динамика сюжета в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки».
31. Лобова Анастасия Борисовна (Елец) Любовно-наваждение в рассказе И.А. Бунина «Солнечный удар».
32. Сатарова Людмила Георгиевна (Липецк) Истоки чувства природы в творчестве И.А. Бунина и М.А. Шолохова.
33. Худенко Елена Анатольевна (Барнаул) Персонаж-писатель в романах И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и М.М. Пришвина «Кашеева цепь».
34. Коршунова Евгения Александровна (Украина, Харьков) Московский миф глазами И.А.Бунина и И.С.Шмелева.
35. Трубицина Наталия Алексеевна (Елец) Символический комплекс «Елец православный» в романах И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева» и М.М.Пришвина «Кашеева цепь».
36. Ломакина Светлана Александровна (Елец) И. Бунин и Б.Зайцев: нравственная основа эмигрантского периода.

37. Ковыршина Ольга Александровна (Липецк) Мотив памяти в творчестве Ивана Бунина и Марселя Пруста.
38. Пухова Татьяна Фёдоровна (Воронеж) Пасхальная ночь в изображении А.П. Чехова и И.А. Бунина («Святою ночью» и «На чужой стороне»).
39. Тулинова Ольга Вадимовна (Елец) И.А. Бунин и художники.
40. Бутримова Ирина Викторовна (Орел) Фольклорные страницы в повести И.А. Бунина «Деревня» как описание глубинных корней народного сознания.
41. Кульчицкая Нина Николаевна (Орел) Художественное слово И.А. Бунина: диалог в пространстве языка.
42. Хашимов Рахим Ибрагимович (Елец) Культурный код и языковая картина мира произведений И.А. Бунина».
43. Попова Елена Александровна (Липецк) Тоска по родине в русской языковой картине мира и идиостиле И.А. Бунина.
44. Казарина Валентина Ивановна (Елец) К вопросу о модальном компоненте в содержательной структуре высказывания в поэзии И.А. Бунина.
45. Свиридова Тамара Михайловна (Елец) Рефлексивные вопросы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева».
46. Дзущева Наталья Васильевна (Иваново) Имя в «Тёмных аллеях» И.А. Бунина.
47. Журавлёва Галина Сергеевна (Елец) Славянизмы в произведениях И.А. Бунина.

48. Сотникова Елена Александровна (Елец) Введение имён персонажей в текст рассказа И.А. Бунина «Жертва».
49. Бородина Надежда Анатольевна (Елец) Метафоры движения и локализации *мысли* в индивидуально-авторской картине мира И.А. Бунина.
50. Саввина Юлия Юрьевна (Елец) Фитонимы в произведениях И.А. Бунина.
51. Аль-Хаснави Али Ради (Елец) Структурные схемы простого предложения в рассказах И.А. Бунина.
52. Колупанова Татьяна Юрьевна (Липецк) Концепты *Россия* и *русский* в «Окаянных днях» И.А. Бунина.
53. Сионова Светлана Александровна (Елец) Становление и практическая деятельность дома-музея И.А. Бунина в Озёрках.
54. Крюкова Наталья Григорьевна (Липецк) По бунинским местам Парижа.
55. Харламова Марина Александровна (Елец) Смысл образования в рассказе И.А. Бунина «Бернар».
56. Мальцева Виктория Алексеевна (Елец) Народный костюм юга России в произведениях И.А. Бунина.
57. Кирющенко Тамара Георгиевна (Елец) Музей И. Бунина и его роль в культурной жизни г. Ельца.
58. Белых Наталья Михайловна (Елец) И.Бунин в Грассе.

59. Малишевский Игорь Александрович (Воронеж) Фольклорные мотивы в морских стихотворениях И.А. Бунина.
60. Кузьмина Маргарита Владимировна (Елец) К проблеме изучения творчества И.А.Бунина младшими школьниками.
61. Бударина Юлия Игоревна (Елец) Елецкая мужская гимназия в жизни и творчестве И.А. Бунина.
62. Трубицина Наталия Алексеевна, Жигулина Елена (Елец) Музыка в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева».

ПРОГРАММА

международной юбилейной научной конференции «Современная рецепция творчества И.А.Бунина в контексте «антропологического поворота» рубежа XX–XXI вв.» (Воронеж, 26–27 ноября 2013 г.)

1. Мотидзуки Цунэко (Саппоро, Япония) Жизнь и бессмертие в поэзии И.Бунина.
2. Кошемчук Татьяна Александровна (Санкт-Петербург) Грозный Бог в творчестве И.Бунина.
3. Акаткин Виктор Михайлович (Воронеж) Лирический субъект поэзии И.А.Бунина: к вопросу об эволюции.
4. Борисова Наталья Валерьевна (Елец) Код инициации в романе И.Бунина «Жизнь Арсеньева».
5. Урюпин Игорь Сергеевич (Елец) Ветхозаветный текст в романе И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева».

6. Ковалева Татьяна Николаевна (Пятигорск) Тип обреченного человека в прозе И.А.Бунина 1914–1916 годов.
7. Переславцева Руслана Станиславовна (Воронеж) Первая мировая война в системе антропологических взглядов И.А.Бунина.
8. Никонова Тамара Александровна (Воронеж) Герой Ивана Бунина в контексте «антропологического поворота» рубежа XX–XXI вв.
9. Трубицина Наталия Алексеевна (Елец) Геокультурный образ Палестины в цикле очерков И.А.Бунина «Тень птицы».
10. Есикова Наталия Дмитриевна (Елец) Поэтика рассказа И.А.Бунина «Темные аллеи».
11. Рябова Светлана Григорьевна (Иркутск) Композиционный образный строй рассказа как тип целого эстетически завершенного события (И.А.Бунин «Пыль»).
12. Булгакова Светлана Юрьевна (Воронеж) Элиминация стилистических лакун во французских переводах прозы И.А.Бунина.
13. Дыханова Берта Сергеевна (Воронеж) Смысл названия рассказа «Легкое дыхание».
14. Слинько Марина Анатольевна (Воронеж) Рассказ «Господин из Сан-Франциско» И.А.Бунина в контексте развития цивилизации XX века.
15. Сидорова Елена Владимировна (Воронеж) Роль сравнений в описании внешнего облика человека в произведениях И.А.Бунина.

16. Коптева Людмила Михайловна (Павловск) Образ России в творчестве И.Бунина 1920-х годов.
17. Кульчицкая Нина Николаевна (Орел) Художественное слово И.А.Бунина о природе человека и языка (на материале повести «Деревня»).
18. Белякова Светлана Михайловна (Тюмень) Темпоральная организация романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: лингвистический аспект (на материале 1 и 2 книг).
19. Двинятина Татьяна Михайловна (Санкт-Петербург) Издания стихотворений И.А.Бунина в критике современников.
20. Чаплыгина Елена Олеговна (Владивосток) Бунинские традиции в творчестве Вячеслава Дегтева (рассказы «Потому и плачу...» (1986) и «Пар над кровью» (2005).
21. Боева Галина Николаевна (Санкт-Петербург) За что Бунин похвалил Андреева.

Творческая мастерская
«Метафизическая проблематика и символика
в рассказе И.А.Бунина “При дороге”»
(27 ноября 2013 года)

Для обсуждения и дискуссии на Творческой мастерской предлагались следующие вопросы:

1. Герои рассказа в системе антропологических представлений И.А.Бунина: типологические и характерологические особенности.

2. Сюжет искушения и его реализация в семейно-родственных коллизиях рассказа.
3. Архетипические образы дороги и дома. Другие значимые топосы рассказа.
4. Месяцы, дни, числа, праздничные даты православного календаря и их сюжетно-композиционные функции.
5. Рассказ «При дороге» в контексте метафизической проблематики прозы 1909-1914 годов.

Выступления на мастерской

1. Хворова Людмила Евгеньевна (Тамбов) Рассказ И.А.Бунина «При дороге» в контексте духовно-культурных реалий начала XX века.
2. Бердникова Ольга Анатольевна (Воронеж) Праздничные даты православного календаря в сюжете рассказа «При дороге».
3. Копылова Надежда Ильинична (Воронеж) О метафизике женского в рассказе И.А.Бунина «При дороге».
4. Попова Юлия Сергеевна (Воронеж) «Женский» и «мужской мир» в рассказе И.Бунина «При дороге».
5. Зеленцова Светлана Владимировна (Орел) Особенности пейзажных описаний в рассказе И.А.Бунина «При дороге».
6. Белоусова Светлана Октябрьевна (Воронеж) Образ дороги в рассказе И.Бунина «При дороге».

7. Соболева Елена Сергеевна (Воронеж) Образ дороги в повести «Суходол».
8. Картавцев Владимир Николаевич (Воронеж) Рассказ И.А.Бунина «При дороге»: прочтение через историко-культурный контекст.
9. Пращерук Наталья Викторовна, Житкова Людмила Николаевна (Екатеринбург) Рассказ И.А.Бунина «При дороге»: контекст, сюжет, символика.
10. Тернова Татьяна Анатольевна (Воронеж) Цвет и звук в рассказе И.А.Бунина «При дороге».
11. Малишевский Игорь Александрович (Воронеж) «При дороге» и «Митина любовь»: опыт сопоставительного анализа.
12. Фенчук Олег Николаевич (Барановичи, Белоруссия) «Духовное» и «порочное» как доминанты в рассказах «При дороге» и «Аглая».
13. Скрипникова Татьяна Ивановна (Воронеж) Семантика повседневности и быта в рассказе «При дороге».
14. Охрименко Дмитрий Михайлович, Тамулайтите Эльмира Константиновна, Плотникова Ольга Владимировна, Яньшина Ирина Геннадьевна (Воронеж) Антропологическая характеристика героев рассказа «При дороге».
15. Нестерова Евгения Вячеславовна (Старый Оскол) Метафизический смысл заглавия рассказа И.А.Бунина «При дороге».

**Материалы Творческой мастерской 2012 года
«Метафизика И.А.Бунина: рассказ “Чаша жизни” в
контексте творчества писателя 1909–1914 годов»
//«Воронежский текст» русской культуры:
Провинциальность как эстетический код литературы
XX века. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013**

Наталья Викторовна Пращерук (Екатеринбург)
«Чаша жизни» И.А. Бунина: контекст, интертекст, автор-
ская позиция

Надежда Ильинична Копылова (Воронеж) Топосы
рассказа И. А. Бунина «Чаша жизни» и его лирики 1910-х
годов

Ольга Анатольевна Бердникова (Воронеж) Право-
славный контекст рассказа И.А.Бунина «Чаша жизни»

Алексей Иванович Смоленцев (Киров) Рассказ И.А.
Бунина «Чаша жизни»: другие «щепочки» и «поэтическая
суть вещей»

Татьяна Ивановна Скрипникова (Воронеж) Юро-
дивый Яша и другие «юродивые» в рассказе И.А. Бунина
«Чаша жизни»

Елена Владимировна Капинос (Новосибирск) Сю-
жетная редукция как знак исторического сингуляризма/
универсальности в рассказе И.А. Бунина «Чаша жизни»

Владимир Николаевич Картавцев (Воронеж) Рас-
сказ И.А.Бунина «Чаша жизни»: история в литературе и
литература в истории

Лариса Рудольфовна Клягина (Екатеринбург) Тур-
геневский след в рассказе Бунина «Чаша жизни»

Светлана Юрьевна Булгакова (Воронеж) «Чаша жизни» И.А. Бунина: французская версия

Елена Сергеевна Соболева, Марина Анатольевна Слинко (Воронеж) Реализация анималистического кода в рассказе И.А. Бунина «Чаша жизни»

Евгения Вячеславовна Нестерова (Старый Оскол) Об особенностях заголовочного комплекса в рассказах И.А.Бунина 1909–1914 годов («Чаша жизни» и другие рассказы)

Светлана Октябрьевна Белоусова (Воронеж) «Чаша жизни» и «Легкое дыхание»: опыт сопоставления

ПРОБА ПЕРА

РЕЦЕНЗИИ

победителей конкурса рецензий на экранизации
произведений И.А.Бунина

Монакова Марина

магистрант I курса

филологического факультета ВГУ

КАК ВИДИТ БУНИНА ЖЕНСКОЕ СЕРДЦЕ

Рецензия на фильм «Amata nobis»

(режиссер Е.Карцева, 1996 г.)

Опаснее острых зубов крокодила и цепких когтей тигра экранизация книг. Особенно классики. Ведь искусственный зритель жаждет увидеть все детали, представленные в произведении; героев, соответствующих высоким фантазиям читателей; а главное – автора, крошечного за мелочами и символикой. И, пожалуй, сложнее всего пытаться пропустить через объектив кинокамеры небольшие повести мэтров русской литературы.

Маленький, но глубокий и чувственный рассказ И.А.Бунина «Руся» представила на суд зрителям Елена Карцева в теперь уже далеком 1996-ом году. Еще такой молодой и задорный Александр Лазарев, звезда современных сериалов и «Дворцовых переворотов», предстает перед зрителем в образе главного героя – в прошлом влюбленного домашнего учителя, в будущем...а не важно, кто в будущем, это же произведение Бунина полное ностальгии, здесь главнее мир прошлого. Ан нет, уважаемый режиссер решила избавить зрителя от лишних раз-

думий и облачила героя в военную советскую форму. Что ж, революция смогла из простого учителя сделать офицера, катающегося по стране в вагоне первого класса. Однако в первых минутах фильма разгадать, что перед нами герой «Руси», так же нереально, как укусить свой локоть. Ведь начинается бунинская история Е.Карцевой со смерти черноволосого репетитора-офицера с заветным именем «Руся» на устах (что немного успокаивает зрителя, убеждая, что он обратился по адресу в просмотре экранизации). Довольно интересный и даже немного безрассудный режиссерский ход – и так далеко не линейную композицию рассказа начать с конца, как сюжетного, так и жизненного. И почему же с самого начала такое дикое расхождение с рассказом? Эта интрига будет держать в напряжении все 30 минут фильма.

Еще больше успокаивает зрительский взор сама Руся в исполнении Надежды Гореловой. Здесь типаж актрисы попал просто в яблочко – девушка словно спорхнула со страниц сборника рассказов Ивана Бунина. Внешность актрисы, непосредственность, легкость юности и бесконечная любовь в каждом движении, бытовые детали, вплоть до знакового желтого сарафана – лучшей Руси и представить сложно. Но все же актерская игра частенько смущает и даже отталкивает. И тут не только прощительное для молодой артистки переигрывание роли. Так, С.Мелехова в образе матери Руси – слишком деревянная и зажатая – уж явно не так представляется личность с «черной меланхолией». Даже сама по себе нелепая сцена с пистолетом в конце рассказа, предзнаменовавшая предательство Русей любимого, в неловкой игре стала еще несуразнее. А отец Руси (А.Мынто) и вовсе теряется на

задних планах послушным мальчиком, смущающимся собственной жены. Но самой впечатляющей, к сожалению, со знаком минус, оказывается игра А.Лазарева. Такому пылкому бравому молодцу под стать играть военных, вершивших революцию, сворачивающих голыми руками горы и перешагивающих моря, которые оказываются им по колено. Та тихая ностальгия, к которой зритель привык в рассказе, здесь выражается в такой лютой агрессии, что хочется в недоумении отпрянуть от экрана. Чрезмерная эмоциональность совсем не грает на руку актеру, а иногда перерастает в какое-то гиперболическое переигрывание – это уже не бунинский персонаж, это герой Карцевой и Лазарева, которому хочется хлопнуть с сарказмом и, как Станиславский, грозно сказать: «Не верю!» Чрезмерная грубость жене, которая в рассказе была мягкой и зачастую шутливой, делает даже ключевую фразу на латыни в устах актера неубедительной и наигранной. Хотя, именно такая агрессивность и порывистость привела офицера в экранизации к такому печальному концу.

Самобытность и педантичность Бунина режиссер смело разбавляет своей символикой. Герою постоянно видятся знаки, непременно приводящие его память к единственному образу Руси: название станции «Русская», которая превращается в «Советскую», странные темные фигуры, желтый сарафан возлюбленной. Много тревожных траурных черных символов, которые проникают даже в светлое прошлое героя, в тот спокойный мир автора рассказа. Черный ворон, потревоживший влюбленных, как предвестник беды, зловещий мистический символ, заранее обрекающий на смерть. В рассказе это был всего лишь петух, пусть мрачный и черный, но

несущий в себе некую комичность, нелепость случившегося. Мелькающая черная фигура Руси на перроне, заставляющая героя сходить сума от воспоминаний, и приведшая его в итоге к смерти. И как проклятье в конце короткометражного фильма – мать героини, закутывающаяся в черную шаль и исчезающая в не меньшей черноте дверного проема. С одной стороны такие знаки нагромождают и до того самодостаточный мир рассказа, с другой – упрощают для понимания зрителя. Куда еще больше разделять два мира прошлого и настоящего? Они максимально противопоставлены временными рамками. Но режиссер, помимо рубленой композиции, добавила еще и противопоставление во временах года. Теплый, яркий летний мир прошлого, мир природы и Руси вступает в противоборство с реальным миром, где холодные краски, зимняя стужа и искусственность. Тут уж стоит отдать должное операторской работе – все тонкости красок, разнообразия планов выполнены живо и качественно, что довольно поразительно для середины девяностых, когда кинематограф был в упадке и по сути такие короткометражки не спонсировались и создавались на одном энтузиазме.

Различия этих двух миров появляются и в противопоставлении образов жены героя и Руси. Уж этого у Бунина никак не разглядеть. По-детски беспечная, озорная и естественная Руся на лоне природы, будто единая с ней, желтым пятном сарафана резко выделяется на фоне ревнующей блондинки. Роковая краснота ее нарядов, нелепые локоны на коклюшках, тонна косметики, которая снимается так длительно, что герой успевает рассказать дюжину часть своей печальной истории любви. Ко-

нечно, неискушенный зритель будет не удивлен сердечным выбором офицера.

Сложно судить, плохо такое видение произведения или нет, ведь ремарка «по мотивам рассказа» снимает с режиссера все обязательства строго следовать тексту произведения. Но переименование и дополнение того, что и так уже по сути совершенно, и приводит к устоявшемуся убеждению, что книга всегда будет лучше своей экранизации. Потому что, замахиваясь на корректировку, пусть даже в деталях, режиссер теряет автора, его особенности, его мир.

Однако из-под хрупкой руки Е.Карцевой вышла по-женски чувственная эмоциональная история любви. Даже в названии упор делается на истинную любовь, которая бывает в жизни каждого. «Amato nobis» - возлюбленная наша – и в этом все земное счастье. Здесь уже не томная ностальгия по прошлому, которая, нагрянув внезапно, постепенно переворачивает внутреннее сознание и мироощущение, как в рассказе И.А.Бунина. Здесь, возможно, все-то, что постепенно произошло бы с героем за рамками рассказа в «додумывании» читателя, происходит за один вечер. Герой любит навзрыд, разрывается изнутри. Пожалуй, только женщина могла так показать это прекрасное и одновременно жестокое чувство, и только женщина режиссер могла подвести героя к такому финалу. Это не спокойная мужская душа, которая будет томиться, но стойко переживать перипетии жизни. Это уже женская сущность, перенесенная на главного героя, максималистская, не терпящая двойственности в любви. Раз – и на всю жизнь. Пусть и слишком агрессивный, но герой уже не принадлежит миру настоящего, потому что ненастоящим стал сам мужчина. Его место

там – в прошлом, рядом с Русей, пусть и предавшей его. Но опять же, образ матери и в самом конце вновь встает между влюбленными. Вряд ли бы мужчина смог так увидеть трагедию героя.

Чтобы прочувствовать эту трагическую историю, уложенную в тридцать минут, надо все-таки подойти к ней, не читав оригинальной «Руси». Только тогда можно будет понять всю пылкость режиссера и можно будет даже простить не совсем профессиональную игру актеров. В киноленте Е.Карцевой есть Бунин, но он непривычный, прошедший через призму странного женского сердца. И в этом вся прелесть этой короткометражной экранизации рассказа великого классика русской литературы.

Лагутенко Дмитрий

студент 3 курса направления

«Издательское дело»

филологического факультета ВГУ

ЭССЕИСТИЧЕСКАЯ РЕЦЕНЗИЯ НА ФИЛЬМ

ЕЛЕНА КАРЦЕВОЙ (НЕМЫХ) «АМАТА NOBIS...» (1996 Г.)

Решение написать рецензию именно на «Amata nobis...» (1996 г.), короткометражную студенческую ленту Елены Карцевой (Немых), пришло ко мне неслучайно. От прочих предложенных для рецензирования фильмов («Посвящение в любовь», «Мещерские», «Игра в модерн», «Суходол») настоящую работу отличает не только её «скромный» формат, но и присущие только ей художественно-кинематографические особенности.

Возможно, весьма очевидно, что данная картина среди остальных выглядит не самой яркой и оригинальной. И что в преддверии выхода новой бунинской экранизации «Солнечный удар» Михалкова намного логичней и актуальней было бы говорить о «Суходоле» Стреляной (т. к. наверняка критики будут их сопоставлять и сравнивать из-за временной близости создания). Однако, во-первых, мне кажется, что любые оценки незаурядности картины всегда сомнительны, иногда весьма субъективны и очень часто зависят от факторов, не имеющих отношения к искусству как к таковому (время, господствующая идеология, степень табуирования в обществе определённых тем и т.д.); а во-вторых, подход, при котором фильм отождествляют с произведением, по мотивам которого он снят, соотнося их сюжетные линии, ищут сходства и различия стилистических черт, видится мне вульгарным и неправомерным по отношению как к режиссёру фильма, так и к автору оригинального текста. Поэтому в данной рецензии я практически не стану обращаться к содержанию бунинского рассказа «Руся», а постараюсь подробно рассмотреть именно «фильмические», как говорил Ролан Барт, особенности данной ленты, выявить основные аспекты технического и идейного своеобразия картины.

Короткометражный фильм Елены Карцевой «Amata nobis...» условно можно отнести к группе «бунинских экранизаций девяностых годов». Картины этих лет схожи и по «внешнему облику» (монтаж, художественное оформление и др.), и по своему «внутреннему наполнению» (степень профессионализма участников создания фильма, смысловая нагрузка сюжета и др.). Также дебютная работа Карцевой «Amata nobis...» имеет общие

черты с фильмами этой группы, если можно так сказать, в «нравственно-идеологическом» отношении. Но об этом чуть позже. А пока, прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению данного фильма, хотелось бы сказать несколько общих слов об особенностях отечественного кино того времени.

Большинство российских фильмов девяностых годов, как известно, характеризуется своим «низким качеством», с точки зрения профессионального кинематографа. Наряду с появлением целой плеяды поистине талантливых режиссёров, таких как В. Тодоровский, П. Лунгин и др., это время в отечественном кинематографе ознаменовано возникновением неимоверного количества различных второсортных комедий, низкопробных, примитивных по своему содержанию мелодрам. Кроме того, подавляющая часть российских фильмов девяностых годов в художественно-техническом отношении совершенно лубочна и безлика. У режиссёров тех лет сложно найти какие-либо новаторские решения по части монтажа, художественного оформления, применения различных технических спецэффектов. Это время в отечественном кинематографе, несмотря на все немногочисленные, но подчас великие достижения действительно выдающихся молодых режиссёров, актёров, операторов, можно считать упадочным.

Кинокартину «*Amata nobis...*», несмотря на все её явные недостатки, безусловно, нельзя назвать «упадочнической». Будучи непрофессиональной, студенческой работой молодого, начинающего режиссёра, она практически лишена какой-либо претенциозности. Своей дебютной лентой автор ни в коем случае не рассчитывает заявить о себе, как о художнике, имеющем отношение к

высокому, «большому» кино. Это видно даже по подбору актёрского состава фильма, где зачастую возраст молодых артистов (скорее всего, тоже студентов) меньше, чем возраст их персонажей. Однако, к нашему удивлению, это не «бьёт по глазам». Более того, немного неуверенная, местами неоправданно «взрывная» игра актёров создаёт особенную интимную атмосферу, созвучную духу поздней бунинской прозы.

У данного фильма довольно простая, незамысловатая фабула. Главный герой, советский офицер («он»), едет в поезде (в тексте – по маршруту Москва – Севастополь) со своей спутницей. Совершенно случайно, из-за аварии на мосту, поезд останавливается на станции «Советская» (бывшая «Русская»). Главный герой вдруг вспоминает, что когда-то «жил в этой местности на каникулах, был репетитором в одной дачной усадьбе». Его охватывают волны печальных воспоминаний о случившемся здесь с ним неудачном романе с молодой девушкой Марусей (Руся). «Он» рассказывает эту грустную нелепую историю своей спутнице, после чего, в результате столь же нелепых обстоятельств, вызванных, по всей видимости, душевным помешательством героя, выбрасывается на полном ходу поезда из вагона и погибает.

Литературный критик, педагог, писатель и журналист Дмитрий Быков в своей лекции «Иван Бунин. Поэзия в прозе» говорит об «ощущении роковой, изначально неправильности жизни» в поздних произведениях Бунина. И действительно: смерть «на полном ходу», фатальная обречённость человеческой жизни, тщетность любых людских усилий перед неотвратимым жезлом судьбы – пожалуй, сквозные темы поздней бунинской прозы. Решение режиссёра поместить сцену гибели

главного героя в самое начало фильма, по моему мнению, прекрасный, образный, я бы даже сказал, поэтический в своём пафосе прием, отражающий основной бунинский лейтмотив. За счёт такого композиционного решения уже с самого начала ощущается эта «неправильность», неестественная, нагнетающая атмосфера.

Далее сюжет фильма развивается в двух направлениях. С одной стороны, мы наблюдаем неохотную «любовную исповедь» главного героя своей спутнице в поезде, с другой, ретроспективу событий, произошедших с ним в этой «скудной местности». Интересно то, что для сплетения этих двух сюжетных линий режиссёр использует довольно простой, но выразительный приём межкадрового монтажа. Видеоряд, в котором молодая девушка идёт по зарослям леса под таинственно-тревожную музыку, неоднократно, можно сказать, врывается в нарративную ткань фильма. Причём до конца не ясно, что это: воспоминания офицера, плод его фантазий или нечто иное, не имеющее отношения к сознанию главного героя. Это создаёт эффект напряжения в фильме.

Из особенностей внутрикадрового монтажа можно отметить, по моему мнению, довольно удачное применение в сценах «воспоминаний» белых светофильтров. Данный приём не является новаторством, но в данном случае имеет своё право на существование, его присутствие придаёт фильму возвышенную, античную, поэтическую окраску.

Важно отметить также обильное использование крупного плана. В атмосфере бунинского психологизма это простое и верное решение – передать через лица героев всё то, что нельзя представить вербальными средствами. Особенно показательна в этом отношении, на

мой взгляд, финальная сцена, где безумная мать Маруси кидается на главного героя с пистолетом, заряженным холостыми патронами. Здесь лица матери, отца, Руси и главного героя выражают, пусть и немного неумело, с точки зрения актёрской игры, намного больше, чем их слова.

Фильм заканчивается тем же, чем и начался – смертью. «Он», став жертвой своих чувств, коварства и жестокости собственной памяти, выпрыгивает из поезда... И перед нами возникает всё тот же кадр, с которого, можно сказать, началась эта печальная история. Заснеженная железная дорога, окружённая густым, непроходимым лесом, глухая тишина и лишь где-то далеко-далеко гулкие звуки уходящего вдаль поезда, ровное, монотонное завывание метели.

Честно признаться, первое моё впечатление от просмотра фильма Карцевой было преисполнено равнодушия и острого скептицизма. Ну, фильм как фильм, довольно серый и не выразительный, мало чем запоминающийся. Со свойственным большинству кинокартин девяностых годов маленьким бюджетом и посредственной, второклассной актёрской игрой. Но стоило мне чуть внимательней пересмотреть его во второй, третий разы, перечитать рассказ И. А. Бунина «Руся» и его «Дневники 1939-1945 годов», как моё недоверие к данному фильму просто растворилось, и для меня открылись удивительные и весьма сложно описуемые словами положительные черты этой короткометражной ленты. Дело в том, что размышляя об отечественном кинематографе и поздней бунинской прозе, стилистических особенностях кино и художественной ценности текста, я вдруг осознал, насколько поколение девяностых годов хорошо

понимало Бунина, порой даже на чисто подсознательном уровне. Ведь те люди, как и великий писатель на себе пережили расставание с родиной, которое в дальнейшем ещё не раз станет у обоих причиной острой душевной боли, гнетущей ностальгии по прошлому. Поэтому, мне кажется, что главное достоинство фильма «Amata nobis...» кроется не в его художественных и технических особенностях, не в актёрской игре и сценарии, а в чём-то более сложно завуалированном, быть может, в том, что Ролан Барт называл «третьим смыслом». Это лишь на чувственном уровне воспринимаемое единство поздних бунинских мотивов и видеоряда с его художественной невыразительностью, непрофессиональной игрой актёров, примитивностью антуража сцен, костюмов.

Горяинова Анастасия

студентка 3 курса

филологического факультета ВГУ

**РЕЦЕНЗИЯ НА ФИЛЬМ АЛЕКСАНДРЫ СТРЕЛЯНОЙ
«СУХОДОЛ» (по одноименной повести И. А. Бунина)**

Как нам порой кажется заманчивой жизнь, которая была в России сто лет назад или двести. Светские приемы, балы, нарядные платья, блеск огней и звон бокалов. Девушки хотят быть богатыми и знатными барышнями, а молодые люди – статными военными, известными государственными деятелями.

И вовсе не странно нам, что никто не хочет окунуться в быт крестьян, служить верно одной семье барина, переносить стойко все обиды, унижения и побои, рабо-

тать не покладая рук, всюду следовать за барынями и быть им опорой во всем.

А ведь именно такой преданной и терпеливой, кроткой сиротой перед нами предстает дворовая девушка Наталья в фильме Александры Стреляной «Суходол», снятом по одноименной повести И. А. Бунина.

Вышедший в свет в 2011 году фильм не остался без внимания критиков. В тот же год «Суходол» получил диплом за любовь к авторскому кино (Александра Стреляная) на XIV фестивале независимого кино «Дебошир-Фильм — Чистые грёзы». Также все тот же 2011 год принес фильму еще одну награду: Гран-при на XIII Всероссийском Шукшинском фестивале. А в 2012 на XVIII Российском кинофестивале «Литература и кино» в Гатчине был присужден диплом Яне Есипович (Наталья) в номинации *Лучшая женская роль*.

Эти премии свидетельствуют о том, что Александра Стреляная, окончившая в 2005 году Санкт-Петербургский Университет Кино и Телевидения по специальности «Кинооператор» и получившая в 2007 году диплом режиссера, являющаяся членом Союза кинематографистов, в свои тридцать пять лет достигла если не славы, то признания точно.

Фильм «Суходол» рассказывает о тяготах крестьянской жизни в вырождающемся дворянском гнезде. Совместно с продюсером Алексеем Учителем, оператором Александром Демьяненко, композитором Александром Ланевым и актерским составом (Яна Есипович, Роза Хай-руллина, Олег Гаркуша и др.) Александра Стреляная (она же и автор сценария) сумела воссоздать жизнь «Суходола» И. А. Бунина.

Общая картина, которую нам предлагает режиссер, вырисовывается не сразу. Для людей, не читавших повесть, не сразу становится ясно, что перед ними происходит. Начальные эпизоды сменяют друг друга довольно быстро, и мы не успеваем уловить смысл произведения. Однако далее повествование на экране становится понятным и весьма логичным. Мотивы поступков героини раскрываются (почему она крадет зеркало хозяина Петра).

Мир Натальи – мир необычный, связанный с древними традициями и верованиями, которые переплетаются с христианской верой и молитвой. Момент отрезания волос принародно героини за воровство (волосы в мифологиях имеют свое сакральное значение) становится для нее двойным наказанием и позором.

Если и дальше говорить о народном веровании, то в фильме мы видим старинный русский обряд – плач. Плач будущей невесты, плач по покойнику (Петр). Я думаю, это очень верно, что режиссер включает в свой фильм такие моменты. Это говорит о силе связей в сознании простых людей начала XX века народных традиций их предков. И Иван Алексеевич не просто так говорит об этом в своем произведении.

Также стоит сказать о том, что все основные сюжетные линии повести нашли отражение в фильме, актеры отлично справились со своими ролями, которые были весьма сложны, требовали полной отдачи, напряженности и целенаправленности. Поэтому мы вполне можем похвалить создателей замечательного фильма по великолепному произведению.

Что касается моего личного мнения, то я могу сказать: «Суходол» - одно из замечательнейших произведений И. А. Бунина, наряду с «Антоновскими яблоками»,

«Деревней» и другими текстами, входящими в цикл «деревенской прозы». Не всегда экранизация произведения становится лучше самого произведения. Кино все же не может заменить книгу.

Да, фильм «Суходол» для меня тоже не вошел в небольшое количество фильмов-исключений, однако его просмотр доставил большое удовольствие, полтора часа пролетели незаметно, несмотря на всю мою усталость после долгого и тяжелого учебного дня.

Я с удовольствием бы посмотрела этот фильм еще раз, а также другие фильмы, поставленные Александрой Стреляной.

СООБЩЕНИЯ
на международной юбилейной научной конференции
«Современная рецепция творчества И.А.Бунина
в контексте «антропологического поворота» рубежа
XX–XXI вв.» (Воронеж, 26–27 ноября 2013 г.)

ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ

Коптева Л.М

(Павловск Воронежской области,
учитель средней школы)

РОДНОЕ И ВЕЧНОЕ В РАССКАЗАХ И.А. БУНИНА 1920-х ГОДОВ
(«КОСЦЫ», «РОЗА ИЕРИХОНА», «КНИГА»)

«Россия! Кто смеет учить меня любви к ней!» – восклицал Бунин, выступая в Париже 29 марта 1924 года с речью «Миссия русской эмиграции». Да, в этом вопросе ему не нужен был советчик, потому что он всегда знал, что такое Россия для человека, вынужденно покинувшего свою землю. Он любил Россию и чувствовал боль от разрыва со своей землёй, с людьми, характеры которых он так мастерски описывал.

Творчество эмигрантского периода стало для Бунина наиболее русским, так как именно там он создал самые совершенные, самые лучшие свои вещи. Почти все они построены на русском материале, почти везде в них звучит русская тема.

Созданные вдали от родины в 1920-е годы рассказы «Косцы», «Роза Иерихона», «Книга», на анализе которых мы остановимся, обращены памятью к навсегда утраченной России, её историческому прошлому.

Обострённое чувство памяти как «естественной и необходимой защиты человека от разрушительной работы времени» характеризует мировосприятие и душевное состояние Бунина в период эмиграции. По замечанию Г.Адамовича, «...рассказывая о России, перечисляя, перебирая всё то, что в ней погибло и не возродится, он говорит и о чём-то более общем и глубоком. За связью с Россией чувствуется связь с землёй, с миром, и нерасторжима его зависимость от России лишь в плане внутреннем, не географическом.<...> книги Бунина в целом напоминают ряд зеркал, в которых Россия отразилась со всем тем, чего никто другой из наших новых художников в ней не подметил и не уловил» [1, 46].

Потеря России обернулась для Бунина истинным её обретением. Окончательно порвав с Россией сегодняшней, революционной, писатель всё больше тоскует о России вчерашней, осознание неизбежной потери которой вызывает стремление восстановить, хотя бы в памяти, лучшие мгновения навсегда утраченной жизни. Воспоминания о детстве, молодости, зрелых годах наводят писателя на размышления о времени и о судьбах людей, о духовной эволюции человека.

Мыслью о трагической судьбе России подсвечено с большей или меньшей силой всё бунинское творчество эмигрантской поры. Россия навсегда осталась для писателя не только «материалом», но и сердцем его творчества, но только теперь она была воссоздана и очищена памятью и предстала в его творческих воспоминаниях.

Так в рассказе «Косцы» (1921) писатель размышляет о России, о судьбе своего народа, о духовном единении каждого человека со своей страной. Автор любит ладной работой косцов, а главное – передаёт всю прелесть

этих людей через песню: «Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И ещё в том была (уже не создаваемая нами тогда прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была – Россия, и что только её душа могла петь так, как пели косцы...» [2,70].

Песня косцов здесь вовсе и не была песней, в ней жила душа России, та «забытая» и «благословенная», которая теперь рисовалась с «простотой», «первобытностью», «беззаветностью», и обретение такой России совпало у Бунина с обретением вечной жизни. Песня становится той связующей нитью прошлого и настоящего, которая не даст удалить из памяти всё, что когда-то было так дорого.

«Ты прости-прощай, родимая сторонушка!» – говорил человек – и знал, что всё-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что куда бы ни забросила его доля, всё равно будет над ним родное небо, а вокруг – беспредельная родная Русь...».[2,71].

«Ключи вечно живой воды», образы птиц небесных и лесных зверей, прекрасных царевен и даже Бабы Яги, – всё это ушло и стало «далёким», «невозвратимым». Осталось навсегда в той Руси, которую невозможно было вернуть и которая невозвратно жила в душе писателя. И здесь с неодолимой силой стало проступать то русское, что не могло исчезнуть навсегда, а должно было идти из прошлого дальше.

Тот же мотив «разлук и потерь», «птиц небесных», образ «живительной влаги» находим в лирической миниатюре этой поры «Роза Иерихона». Написанная в 1924

году, она предстаёт перед читателем как обращение писателя к собственной душе.

«Память, которую роза символизирует, не должна увянуть, как роза, ибо даже иссохшее сердце должно чувствовать» [3, 126]. Россия, которую Бунин знал как земную, родную, осязаемую, теперь стала для него Россией духовной.

В данном рассказе Бунин ни слова не говорит о том, что Роза Иерихона символизирует для него Россию, унесённую в сердце. Но путешествие во Святую Землю заставляет задуматься нас о том, что в «живую воду сердца» автор погружает воспоминание о родине. Слово «родина» появляется в рассказе только один раз, но раскрывает смысл всех последующих рассуждений. Мы понимаем, какую розу унёс с собою автор, сделавшийся навсегда странником. И здесь Россия ассоциируется у Бунина с землёй Иисуса Христа, её святостью и неповторимостью.

Постоянное воскрешение России в себе, - особенность бунинского творчества этих лет. Он не мог допустить, чтобы, пока он жив, прах забвения «навсегда» покрыв Розу его Иерихона, его России, которая совсем недавно сияла весенней красотой и в одночасье превратилась в выжженную пустыню.

«Восстановление России» мы видим и в рассказе «Книга», написанном также в 1924 году и вышедшем в свет в журнале «Иллюстрированная Россия» в Париже в 1925 году под заглавием «На гумне». Здесь, как и в двух предыдущих рассказах, показано возвращение России в памяти писателя. Видим бытовые зарисовки: пение иволги, синий чернозём, куст жасмина. Жасмин в культуре - символ грации, элегантности. Но здесь он предстаёт как символ Памяти, как та Роза Иерихона, которая симболи-

зирует жизнь, её осязаемое продолжение: «На своей девочке куст жасмину посадил» [2, 84].

Как и в рассказе «Роза Иерихона», в рассказе «Книга» звучит мотив Памяти, который не может быть утрачен, потому что есть Россия: «Нет в мире смерти... Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память!» [2, 71]. «Мужик к вечеру забудет об этом кусте,- для кого же он будет цвести? А ведь будет цвести? А ведь будет цвести, и будет казаться, что недаром, а для кого-то и для чего – то» [2, 84].

И лирический герой рассказа «Книга» говорит: «И вечная мука - вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твоё и единственно настоящее, требующее... воплощения и сохранения хотя бы в слове!» [2, 84]. И через Слово сохраняет Бунин всё то, с чем мысленно простился навсегда.

Интерес представляет запись в дневнике писателя от 9 ноября, где Бунин пишет: «...не хватает смелости..., силы... начать... «Книгу ни о чём», без всякой внешней связи, где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь, то, что довелось видеть в этом мире, чувствовать, думать, любить, ненавидеть».

И.А. Бунин стремился воссоздать русскую жизнь в её глубинных исторических и национальных основах и формах жизни, сохранить русскость, но главное – почувствовать и показать читателям, оторванным от родной земли, вечную нетленную сущность России и таким образом помочь им вновь обрести Родину.

В произведениях Бунина также показано, что «Россия и русское слово» как проявление её души и нравственно-го строя есть нечто нераздельное.

Русский философ И.А. Ильин в одной из своих статей писал: «...я оторван от родной земли, но не от духа. И не от жизни. И не от святынь моей Родины; и ничто и никогда не оторвёт меня от них!» [4, 418-419]

Эти слова всецело можно отнести и к И.А. Бунину.

Бунин именно за рубежом творил Россию, и уж учить писателя любви к ней не приходилось никому, ибо не иссякла в нём «духовная энергия на чужой земле», а только ещё с большей силой разгорелась.

Та родина, которую он знал и любил тогда, исчезла, растворилась в истории, а теперь осталась родина небесная, которую он увидел в конце жизни своей, она - то и стала внутренним свойством его гения.

1. Адамович Г. Одиночество и свобода// Г. Адамович. – М., 1996.

2. Бунин И.А. Собр. соч.: В шести томах. – М.: Художественная литература, 1987. – т.V.

3. Пономарёв Е.Р. Концепция Памяти и российский хронотоп в послереволюционном творчестве И.А.Бунина // И.А. Бунин в начале XXI века: материалы и статьи. Межвузовский сб. научных трудов. – Воронеж, 2005.

4. Ильин И.А. Родина и мы // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах – М.: Книга, 1991. – Т.2.

Белоусова С.О.

(Воронеж, средняя школа № 13)

ОБРАЗ ДОРОГИ В РАССКАЗЕ И. БУНИНА «ПРИ ДОРОГЕ»

Образ дороги звучит во многих произведениях русских писателей. Он выступает в роли сквозного сюжета во многих знаменитых произведениях русской классической литературы.

У А. Радищева («Путешествия из Петербурга в Москву») – это композиционный прием, связывающий воедино главы произведения. У Грибоедова в «Горе от ума» Чацкий возвращается из-за границы в дом Фамусова, а после бала уезжает с криком: «Карету мне!» У Пушкина в романе «Евгений Онегин» главный герой «в пыли на почтовых» мчится в деревню и через некоторое время снова отправляется в странствия по дорогам России. И главный герой романа «Герой нашего времени» Печорин постоянно находится в разъездах и даже находит смерть в дороге. У Н. Гоголя в начале поэмы «Мёртвые души» дорога – это путь одного персонажа - Павла Ивановича Чичикова. В конце – это дорога целого государства, России, и даже больше, дорога всего человечества, перед нами предстает метафорический иносказательный образ, олицетворяющий постепенный ход всей истории. Сама Русь воплощена в образе птицы-тройки, летящей в будущее: «Эй, тройка!... не дает ответа...летит мимо все... и дают ей дороги другие народы и государства».

У Н. Некрасова образ дороги связывается с темой счастья. О счастье мечтает девушка из стихотворения Н. Некрасова «Тройка». Стихотворение открывается риторическими вопросами, обращенными к деревенской красавице:

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?..
И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..

По дороге жизни мчится тройка-счастье. Летит она мимо красивой девушки, жадно ловящей его каждое движение. В то время как у любой русской крестьянки её судьба давно предрешена свыше, и никакая красота не в силах ее изменить, крестьянка всего лишь собственность помещика. Дорога в стихотворении отнимает у красавицы счастье, которое быстрой тройкой уносится прочь от неё. Совершенно конкретная тройка становится авторской метафорой, символизирующей недостижимость счастья.

Дорога – один из любимых образов И. Бунина, быть может, потому, что он много путешествовал. В рассказе «Косцы» дорога – это память предков, это связь поколений: «Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль» [1, 225].

В рассказе «Золотое дно» пустеют деревни, жители ушли в Сибирь, на новые места. Поэтому к деревне ведёт дорога глухая, пустынная, старая, давно забытая и неезженная. Дорога «вьётся по перелескам» [II, 245]. Неезженная дорога - символ гибели России.

В рассказе «На край света» дорога – это путь в страну изобилия. Жители уходят навсегда в поисках нового счастья «на край света» [II,46].

В рассказе «При дороге» Параша, главная героиня, жила с отцом Устином, который из ревности убил её

мать, в доме при дороге, «во ржах насупротив, за большой дорогой. До воли было много проезжих по большой дороге. Потом их следы, колеи затагнулись редкой, мелкой муравой» [III, 425].

Девушка жила в ожидании счастья. Она любила сидеть на пороге дома, на границе внутреннего и внешнего мира. Дом – это покой, внутренний мир, дорога – это бесконечное движение, это внешний опасный, таинственный мир: «Далеко куда-то в счастливую страну направлялись все те, что порой проезжали, проходили мимо» [III, 428].

Дорога для Параши – искушение. Она глядела на голый простор дороги и увидела его, вора-мещанина, в пропыленном пиджаке, со смуглыми скулами и смоляными жёсткими волосами, гнавшего гурт овец. Он поразила её силой своих твёрдых глаз. Старик-гуртовщик сразу её предупредил, что Никанор может её погубить. И там, за дорогой, она видела костёр, Это загорел костёр её желаний тайных, бурных страстей.

Она ждала его четыре года, даже карканье первых ворон в марте волновало её: «Убегала в туман, пропадало в нём зимняя дорога – и влекла к себе, тянулась вдаль» [III, 433]. Никанор соблазнял её словами: «Я в тебя влюбился ещё в тот раз, когда гурт гнал. А увидел тебя в селе, ослеп от радости, чуть в буерак не заехал. Я прямо почувствовал: быть роману промеж нас, а не то мне прямо пропадать!» [III, 436]. Она не верила его словам: «Я эти побаски слыхала» [III, 436]. Но он воровски поцеловал её и «с притворным отчаянием махнул рукой и пошёл к порогу» [III, 436]. У неё перехватило дыхание от ожидания счастья, и она поверила, когда услышала от Никанора заветные слова: «Я памяти по тебе лишился!

Увезу тебя в Ростов, повенчаемся с тобой, вдаримся мы с тобой в степя, – на одних лошадях тысячи наживём... Лучше всякой модистки будешь наряжена!» [III, 439]. Он соблазнил её дорогой. Она задрожала от счастья и нежности.

Однажды в знойный полдень, над хлебами и нагретой пыльной дорогой он увидела пару лошадей. Никанор явился за тем, чтобы украсть пару лошадей Устина. За дорогой выросла короткая фигура Никанора. Рысью, поднимая пыль, перерезал он, ухарь-купец, большак (большую дорогу), к самому порогу. Никанор чувствовал себя хозяином, не говорил ласковых слов. Он потребовал ключи. Параша прозрела. Она поняла, что всё обман. Не было любви, была только корысть.

Девушка ударила его замком в висок. Параша вылетела на дорогу, а потом она через дорогу, во ржи. «Многие, что ехали в это день по просёлкам, видели её, быстро бегавшую её целиком, без дорог, по хлебам» [III, 446].

Все события в рассказе связаны с дорогой. Мотив дороги окольцевал рассказ. Рассказ начинается со слов, что Параша жила при дороге. Большая дорога звала и манила её в счастливую жизнь. Заканчивается рассказ тем, что обезумевшая она бегаёт по ржи «без дорог». Она потерялась в этой жизни. Она не нашла счастья. А жизнь без счастья ей не нужна.

Таким образом, и у И. Бунина звучит образ дороги во многих произведениях. Образ Параша перекликается с образом девушки-крестьянки, жадно глядевшей на тройку. Если для крестьянки символом счастья была тройка, то для Параша пара лошадей, на которой примчался к ней Никанор. У крестьянки не было надежд на

изменение своей судьбы, а Никанор подарил Параше лучик надежды. Но разбились её надежды и мечты о корысть Никанора. Жизнь потеряла смысл. Потеряв дорогу к счастью, бегала она «без дорог, по хлебам» [III, 446].

Литература

1. Бунин И.А. Собр. соч.: В шести томах. – М.: Художественная литература, 1987. – т. IV. В статье тексты И.А.Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Программы юбилейных научных конференций	4
Программа Всероссийской научной конференции с международным участием «Бунинские чтения в Орле – 2013» (3–4 октября 2013)	4
Программа Всероссийской научной конференции «Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности», посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю (Елец, 23–25 октября 2013 г.)	8
ПРОГРАММА международной юбилейной научной конференции «Современная рецепция творчества И.А.Бунина в контексте “антропологического поворота” рубежа XX-XXI вв.» (Воронеж, 26-27 ноября 2013 г.)	14
Творческая мастерская «Метафизическая проблематика и символика в рассказе И.А.Бунина “При дороге”» (27 ноября 2013года)	16
Информация о публикациях по итогам Творческой мастерской 2012 года «Метафизика И.А.Бунина: рассказ “Чаша жизни” в контексте творчества писателя 1909–1914 годов».....	19
Проба пера: рецензии на экранизации произведений И.А.Бунина.....	21
Взгляд современного учителя: избранные материалы конференции и Творческой мастерской 2013 года	36

Научное издание

ЕЖЕГОДНЫЙ БУНИНСКИЙ ВЕСТНИК
Регионального научного центра
по изучению творческого наследия И.А. Бунина

ВЫПУСК 2

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 3,0. Тираж 100 экз.
Отпечатано в ИПЦ «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2.